

3.8.

Д. Н. Мамин-Сибиряк через призму языка (1887–1889 годы)

Предлагаемый ниже материал не претендует на всеохватность, поскольку анализируется в нем только язык произведений, созданных Д. Н. Маминым-Сибиряком в конце 80-х гг. XIX в. В то же время настоящие наблюдения могут стать началом описания личности уральского писателя через его словарь, поскольку кто, как не сам автор, может поведать о себе лучше всех?

Словарь языка писателя будет развернут нами по принципу тезауруса, с выделением наиболее значимых и обобщенных историко-культурных сфер — христианство, фольклор и древняя словесность, искусство, политика, общественные отношения, досуг и т. п.

1. XIX век и христианство — два неразделимых понятия, поэтому представить крупного писателя указанной исторической эпохи, не коснувшегося в своих произведениях религии, просто невозможно. И поскольку для России XIX столетия преобладающей религией было православие, то не случайно, что именно в этой области Мамин-Сибиряк предстает крупным знатоком. В его текстах наблюдается

— прямое (относительно) цитирование: *Аврам роди Исака, Исаак роди Якова* — из Евангелия от Матфея, 1:2 [Золотопромышленники, с. 17]¹, *могий вместити да вместит* — из Евангелия от Матфея, 19:12 [Именинник, с. 496];

— библейские реминисценции: *библейское проклятие женщины* [Осенние листья, с. 249] — намек на муки женщин во время родов (Бытие, 3:16); *текущие млеком и медом места* [По Зауралью, с. 21] — образ мира и процветания (Исх. 3:8; Лев. 20:24; Втор. 6:3; 11:9; 26:9 и др.); *своя своих не познаша* [Читатель, с. 506] — выражение употребляется, когда кто-то, по недоразумению, принимает сторонника за противника, и восходит к Евангелию от Иоанна (1:10–11); *хамово отродье* [Именинник, с. 420] — фразеологизм, напоминающий о сыне Хаме, проклятом отцом Ноем за непочтение; *капернаумский* [Там же, с. 415] — прилагательное, восходящее к названию палестинского города Капернаум (Кафернаум), в который Иисус

¹Здесь и далее в ссылках на тексты Мамин-Сибиряка указывается только название сочинения и номер страницы.

пришел после Назарета. По этому поводу евангелист Матфей писал: «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (4:16), т. е. фактически Капернаум — это символ тьмы и невежества, а потому и лексему *капернаумский* можно интерпретировать как «темный, невежественный»;

— описание церковного обихода: *церковный староста* [Именинник, с. 399], *Крещение* [Там же, с. 433], *Великий пост* [Там же, с. 437], *покров* (покрывало на покойнике как символ покровы Божия над усопшим) [Нужно поощрять искусство, с. 12]; *обедня, причащать, паперть* [Кисейная барышня, с. 376] и пр.

Говоря о православии, невозможно обойти стороной такой аспект, как старообрядчество. В русской художественной литературе знатоком русского раскола считается П. И. Мельников-Печерский, но применительно к Уралу, где скрывалось немало сект, не уступает П. И. Мельникову и Мамин-Сибиряк. На многих страницах сочинений уральского писателя упоминаются или действуют старообрядцы, но у Мамина-Сибиряка имеются также произведения, полностью посвященные раскольникам. В частности, очерк «Мастерица» фактически является иллюстрацией к секретному указу священного Синода № 111 от 5 апреля 1845 г.: «Преосвященные должны, сколь можно чаще, внушать священникам тех приходов, где живут раскольники:

а) Обращаться с ними отнюдь не презрительно и не враждебно, а кротко и миролюбиво, и, наблюдая во всем благоразумную умеренность и осторожность, ничем не раздражать их ни в речах, ни в действиях.

б) Прежде всего действовать на них собственным примером строгой, неукоризненной, христианским пастырям приличной, благочестивой жизни, исполненной духа, теплой, бескорыстной любви не только к прихожанам православным, но и к заблудшим. <...>

ж) Приобретать уважение и доверие раскольников рассудительным и беспристрастным образом мыслей и действий, опытностью, скромностью, сострадательностью и другими сему подобными свойствами. <...>» [Краткое обозрение..., с. 7–8].

В очерке погружению в старообрядческую среду способствует соответствующая терминология: *мастерица* («учительница грамоты по церковным книгам у старообрядцев»), *образ древлеотеческого письма, отдавать аминь, ременная лестовка* [Мастерица, с. 326], *класть начал* [Там же, с. 327], *начетчик* [Там же, с. 328], *«мазанный» образ, писанный образ* [Там же, с. 330], *исправленный* («принятый

с определенными обрядами в старообрядческий толк») [Там же, с. 332]. Часть названных лексем и выражений встречается и в романе «Именинник»: *класть начал* [Именинник, с. 461], *мазанный образ, ременная лестовка* [Там же, с. 462], хотя здесь появляются и иные понятия, также свидетельствующие о принадлежности отдельных героев к расколу: *образ старинного письма* [Там же, с. 407], *длинно-полое полукафтанье* («старообрядческая мужская молитвенная одежда»), *кацея* [Там же, с. 461]. При этом использование некоторых выражений требует дополнительных пояснений, например, в романе «Именинник» название *поморская секта* [Там же, с. 407] Мамин-Сибиряк прилагает к федосеевской секте, поскольку федосеевцы до сих пор называют себя старопоморцами (см.: [Вургафт, Ушаков, с. 287–289]).

Отметим также отдельные понятия, связанные с иной христианской конфессией — католицизмом, которые встречаются в текстах писателя:

*Похоронный обряд совершался в маленьком костеле, куда набралось очень много публики. <...> Дамы плакали, особенно когда **пате** своим разбитым тенориком уныло затянул “De profundis”... [Кисейная барышня, с. 370].*

*Другое дело война освободительная в Америке: в Италии Гарибальди, а там Линкольн. Прежде всего по человечеству **законная война**, и обойти ее никак нельзя — это суд Божий, а не смута [Читатель, с. 506].*

2. В произведениях Мамина-Сибиряка также прослеживается отличное знание автором фольклора, уральских диалектов и народных обычаев. Представленные в текстах фольклорные жанры преимущественно кратки и емки: *сам большой, сам меньшей; суди на волка, суди и по волку* [Именинник, с. 403], *летать летает, а садиться не умеет* [Там же, с. 408], *суженый-ряженный* [Там же, с. 400], *живой ногой* [Там же, с. 420], *до зла-горя* [Там же, с. 430], *не всякое лыко в строку* [Там же, с. 455], *красные детки* [Наследник, с. 83] и др.

У Мамина-писателя также можно встретить поэтические выражения древнерусских житий: *в тонце сне* [На золотом дне, д. 1, явл. 2] и русских плачей: *спобедная головушка* [Кисейная барышня, с. 369]; начало знаменитой хороводной русской народной песни о жизни в доме свекра: *«Спится мне, младешеньке, дремлется»* [Именинник, с. 436] и непристойной частушки: *Да баба сеяла муку, / Да посулила мужику!* [Нужно поощрять искусство, с. 23]; народные названия праздников: *Петровки* [Именинник, с. 438], *Егор-запрягальник*

[Там же, с. 443–444], *Ильин день* [По Зауралью, с. 34], *Святая* [Дружки, с. 27] и намеки на русские сказки Восточной Сибири: *осанкой кавалериста, посаженного верхом на помело* [Два хохла, с. 106].

Диалектные единицы тоже указывают на Восточную Сибирь и Урал, в частности, путевые очерки «По Зауралью» изобилуют областными единицами уже названных регионов: *заморачивать, бус, карандашник, жить светленько, кунчать, полпудовка, «от желань сердца»* и др.

3. Художественные тексты позволяют проследить интерес Мамин-Сибиряка и к различным видам искусства.

3.1. Самая обширная область в этой сфере — русская и западноевропейская литература. Среди писателей встречаем имена как широко известные и сегодня, так и благополучно забытые: европейские — Гомер, А. Данте, У. Шекспир, Г. Гейне, Ф. Шиллер, А. Дюма, А. Дюма (сын), О. де Бальзак, Э. Литтон, К. Гуцков, А. де Сталь, И. Гебель; русские — Г. Р. Державин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Островский, Н. Я. Соловьев, Г. И. Успенский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. В. Сухово-Кобылин, Д. В. Аверкиев, В. Дьяченко, Н. Потехин, И. В. Шпажинский, Л. Н. Антропов, М. Н. Загоскин, Р. Ф. Зотов, Н. Греч.

Можно с довольно высокой степенью уверенности говорить, что произведения ни одного из названных авторов Мамин-Сибиряк не обошел стороной. Причем тексты писателя свидетельствуют, что в конце 1880-х гг. он был явно увлечен театром. Для бóльшей наглядности представим круг его драматического чтения в виде таблицы, где раздел «Источник» при необходимости объясняет, на основании чего в первом столбце указаны автор и название произведения.

Автор, название пьесы	Источник
Гуцков К. «Уриель Акоста»	упоминается <i>Уриель Акоста</i> [Нужно поощрять искусство, с. 117].
Дюма А. «Кин, или Гений и беспутство»	Дюма А. «Кин, или Гений и беспутство» [По желанию публики, с. 271].
Дюма А. (сын). “Monsieur Alphonse”	упоминается <i>Альфонс</i> [Нужно поощрять искусство, с. 113].
Дюма А. (сын). «Дама с камелиями» (пьеса)	упоминается <i>отец Армана</i> [Там же, с. 27]; французское написание “La dame aux camelias” [Там же, с. 25, 117].

III. Особенности нарратива и языка писателя

Автор, название пьесы	Источник
Литтон Э. Ришелье, или Заговор» (вероятно)	упоминается <i>Ришелье</i> [Там же, с. 49].
Шекспир У. «Венецианский купец»	упоминаются <i>Джессика</i> [Там же, с. 49], Шейлок [Там же, с. 117].
Шекспир У. «Гамлет»	упоминаются <i>Гамлет</i> , <i>Офелия</i> [Там же, с. 117], цитата <i>Умереть — уснуть</i> [Там же, с. 120].
Шиллер Ф. «Мария Стюарт»	Шиллер Ф. «Мария Стюарт» [Там же, с. 49, 117].
Шиллер Ф. «Разбойники»	упоминается <i>Карл Моор</i> [Там же, с. 117].
Аверкиев Д. В. «Каширская старина»	Аверкиев Д. В. «Каширская старина» [Там же, с. 55].
Антропов Л. Н. «Блуждающие огни»	Антропов Л. Н. «Блуждающие огни» [По желанию публики, с. 271].
Гоголь Н. В. «Ревизор»	упоминается <i>Хлестаков</i> [Нужно поощрять искусство, с. 117].
Грибоедов А. С. «Горе от ума»	упоминается <i>Чацкий</i> [Там же, с. 117], цитата <i>Блажен, кто верует</i> [Именинник, с. 472].
Дьяченко В. «Светские ширмы»	Дьяченко В. «Светские ширмы» [Нужно поощрять искусство, с. 77].
Островский А. Н. «Бедность не порок»	упоминается <i>Любим Торцов</i> [Там же, с. 117].
Островский А. Н. «В чужом пиру похмелье»	упоминается <i>Кит Китыч</i> [Там же, с. 49].
Островский А. Н. «Гроза»	упоминается <i>Катерина</i> из «Грозы» [Там же, с. 117].
Островский А. Н., Соловьев Н. Я. «Женитьба Белугина»	Островский А. Н., Соловьев Н. Я. «Женитьба Белугина» [Там же, с. 78].
Островский А. Н. «Свои люди — сочтемся»	цитата <i>Шубу из живых соболей подарите, как у Островского Подхалюзин</i> [Там же, с. 67].
Потехин Н. «Злоба дня»	упоминается <i>Жорженька Градищев</i> [Там же, с. 117].
Сухова-Кобылин А. В. «Свадьба Кречинского» или «Смерть Тарелкина»	упоминается <i>Расплюев</i> [Там же, с. 49].
Шпажинский И. В. «Майорша»	упоминается <i>Майорша</i> [Там же, с. 117].

Об увлеченности Мамина-Сибиряка театром свидетельствует и театральный жаргон, широко представленный в его текстах: *grandes-dame* (фр.) [Там же, с. 10], *резонер*, *первый любовник*, *вторая драматическая актриса*, «*водевильная штучка*» [Там же, с. 11], *ingénue* [Там же, с. 33], *выходить амуром* [Там же, с. 42], *вторая роль* [Там же, с. 62], *драматический любовник* [Там же, с. 72], *комическая старуха* [Там же, с. 86], «*рубашечный*» *любовник* [По желанию публики, с. 271].

О цитировании Маминым-Сибиряком поэтических произведений других писателей (М. Лютер, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Г. Гейне, Н. А. Некрасов) можно сказать немного, но основная особенность заключается в том, что цитирование это неточное, например: *Как это у Державина сказано: «Где стол яств стоял, там надгробные воют клики»* [Нужно поощрять искусство, с. 7]. На самом деле строки из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» звучат следующим образом:

*Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пишество раздавались лики,
Надгробные там воют клики
И бледна смерть на всех глядит*
[Державин, с. 85].

Основная причина такого вольного цитирования заключается в том, что в XIX — начале XX в. весьма свободно обращались с авторским словом на всех уровнях, причем это было характерно не только для художественных, но и для справочных изданий, в частности, по этой причине иллюстративный материал интереснейшего словаря М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» (1902) [Михельсон] обязательно надо перепроверять по первоисточникам.

Таким же вольным был подход к изданию художественных текстов: «Так, В. Я. Брюсов, в редактировавшемся им издании стихотворений Пушкина публиковал не тот текст, который публиковал в свое время сам автор; редактор самовольно дописывал стихи поэта, вставлял из черновики в окончательные тексты слова, строки и целые строфы, комбинировал их и т. п.» [Основы текстологии, с. 250–251]. Об аналогичной практике в издательской деятельности неоднократно писал и В. И. Чернышев (см.: [Чернышев]).

Своеобразным в XIX в. было отношение и к переводам: «Но पुष्ते всего удивляет вольность обращения с текстом: переводчик то пропускает целые абзацы, то передает их в нескольких словах, то весьма

произвольно трактует смысл. Впрочем, удивляться мы не должны. Переводчики конца прошлого века (да и первой четверти нашего века тоже [Имеются в виду XIX и XX вв. соответственно. — Е. Г.] считали такие вольности вполне правомерными. В соответствии с установками того времени они нередко не переводили, а пересказывали текст, попутно исправляя, сокращая или поясняя его, руководствуясь собственными представлениями о том, какой должна быть книжка» [Демурова]. После этого перестаешь удивляться, почему в XIX в. было, например, более 10 переводов «Гамлета» У. Шекспира, причем не только поэтических, но и прозаических (1810 — С. Висковатова, 1828 — М. П. Вронченко, 1837 — Н. А. Полевого, 1844 — А. И. Кронеберга, 1861 — М. А. Загуляева, 1873 — Н. Х. Кетчера (проз.), 1878 — А. М. Данилевского (проз.), 1880 — Н. Маклакова, 1883 — А. Л. Соколовского, 1889 — А. Московского, 1892 — П. П. Гнедича, 1893 — П. А. Каншина (проз.), 1895 — Д. В. Аверкиева, 1899 — К. Р.).

А вот упоминаний прозаических произведений других авторов в текстах Мамина-Сибиряка нашлось не так много: исторические романы М. Н. Загоскина («Юрий Милославский, или Русские в 1612 году») и Р. Ф. Зотова («Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I»), мистический роман Н. Греча «Черная женщина» [Читатель, с. 506], а также произведения писателей, являющихся классиками и в наши дни, — романы О. де Бальзака [Кисейная барышня, с. 355], «Мертвые души» Н. В. Гоголя [Кто хуже?, с. 180], «Власть земли» Г. И. Успенского [Правильные слова, с. 346], «Убежище Монрепо» и «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина [По Зауралью, с. 22].

3.2. Помимо выяснения круга чтения писателя не менее интересно переосмысление Маминым-Сибиряком литературных образов.

В его произведениях конца 1880-х гг. можно найти общеизвестные интерпретации фраз и лексем *пошла писать губерния*, *«блажен, кто верует»*, *альфонс*, *срывать цветы удовольствия*, *муки Тантала*, *власть земли* и подобные. Толкования перечисленных крылатых слов имеются, например, в словаре Н. С. и М. Г. Ашукиных, и употребление данных выражений не выходит у Мамина-Сибиряка за рамки традиционных. По этой причине сосредоточимся на тех аллюзиях, которые условно можно считать принадлежащими перу собственно уральского автора. Подчеркнем — условно, поскольку на данный момент у нас просто отсутствует информация о подобном словоупотреблении другими писателями.

Итак, *бальзаковские грехи*:

*Всем было понятно, откуда могли явиться деньги у такого проходимца. Елизавета Петровна дорого расплачивалась за свои **бальзаковские грехи** [Кисейная барышня, с. 255].*

Всем хорошо известны выражения *бальзаковский возраст*, *бальзаковская женщина*, *бальзаковская героиня* для шутливой характеристики женщин в возрасте 30–40 лет (см.: [Ашукин, Ашукина, с. 22]). Именно знание данного значения позволяет истолковать встретившееся в тексте повести «Кисейная барышня» выражение *бальзаковские грехи* как страсти тридцати- — сорокалетних женщин, описанных в романах О. де Бальзака.

Обращает на себя внимание и употребление выражения *колунаевская цивилизация*:

*До самого последнего времени Зауралье оставалось как-то в стороне от «последнего слова» разлившейся по Руси **колунаевской цивилизации**, но это последнее слово придет вместе с железной дорогой, и тогда для Зауралья будут «другие птицы и другие песни» [По Зауралью, с. 22].*

Н. С. и М. Г. Ашукины с ссылкой на М. Е. Салтыкова-Щедрина указывают, что под *Колунаевыми* и *Разуваемыми* необходимо понимать типы кулаков (см.: [Ашукин, Ашукина, с. 173]), однако, как мы видим, Мамин-Сибиряк использует выражение *колунаевская цивилизация* более широко, понимая под *колунаевыми* не просто кулаков, а зарождающуюся российскую буржуазию в целом:

*Кстати, если пройдет железная дорога по долине р. Мияса, что она принесет с собой — вот вопрос. Работы **колунаевым** здесь будет по горло, потому что арендная плата башкирского чернозема теперь стоит на смешной цифре — рубль за десятину. Проезжая по этой цветущей пустыне, я думал об этом будущем, которое очень трудно представить даже приблизительно: разовьется ли здесь земледелие, скотоводство, фермерство или задымятся винокурные заводы, фабрики московских миткалей и плисов [По Зауралью, с. 56–57].*

Очень интересным нам представляется использование Маминим-Сибиряком лексемы *канниферитант*:

*Злоказовы для Каслей своего рода, «**канниферитант**»: куда не поведешь — везде в глаза мечется эта фамилия. Дома — Злоказова, училище Злоказова, винный склад Злоказова, пивная лавка Злоказова и т. д. [Там же, с. 36].*

Канниферштант — это аллюзия на рассказ Иоганна Петера Гебеля (Хебеля) “Kannitverstan” («Каннитферштан», 1808): главный герой, попав в Амстердам, спрашивает у местных жителей, кто владелец роскошного дома, богатого корабля, и получает в ответ *Ik kan niet verstaan* («не понимаю»). Немецкий гость, приняв эти слова за имя, восхищается богатством Каннитферштана. Позднее, увидев похоронную процессию и спросив, кого хоронят, снова слышит в ответ *Ik kan niet verstaan*. После этого герой приходит к выводу, что перед смертью все равны — и бедные, и богатые. В русской литературе данный анекдот был широко известен благодаря поэме В. А. Жуковского «Две были и еще одна», причем поэт сохранил исходную идею смирения:

...И с тех пор, как скоро
Грусть посещала его и ему становилось досадно
Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался,
Вспомнив о Каннитферштане, его несметном богатстве,
Пышном доме, большом корабле и тесной могиле
[Жуковский, с. 293].

Однако в тексте Д. М. Мамина-Сибиряка мы видим, что автор отбросил идею покорности судьбе, оставив только изначально сформировавшееся у героя анекдота значение — «хозяин всего».

3.3. Если следовать страницам произведений Мамина-Сибиряка, вторым по значимости видом искусства для него является музыка. Если выше мы писали о драматическом театре, то здесь уместно указать на явно хорошо известный автору репертуар театра оперы и оперетты.

Фраза *Мой совет, до обрученья / Две-е-рь не отво-о-рай!..* [Именинник, с. 452], являясь отрывком из серенады Мефистофеля под окнами Маргариты, указывает на оперу Шарля Гуно «Фауст». Также в романе «Именинник» упоминаемая Марта [Там же, с. 489], скорее всего, свидетельствует о романтико-комической опере «Марта, или Ричмондская ярмарка» немецкого композитора Фридриха фон Флотова. А вот в пьесе «На золотом дне» цитата *Женщины милые, / Как вы изменчивы, / Как переменчивы!..* [На золотом дне, д. 3, явл. 5, с. 82] представляет собой один из вариантов перевода на русский язык арии герцога Мантуанского из оперы Дж. Верди «Риголетто».

Среди оперетт, как свидетельствуют тексты, уральскому автору были известны произведения Жака Оффенбаха: «Прекрасная Елена» [Нужно поощрять искусство, с. 74], «Великая герцогиня Герольштейнская» [Там же, с. 48], «Певчие птички» [Именинник,

с. 450] (сейчас более известные под названием «Перикола»), а также единственная собственно русская оперетта (музыка И. И. Деккер-Шенка, либретто З. Б. Осетрова), которая пользовалась большой популярностью, — «Хаджи Мурат» [По желанию публики, с. 272]. Кстати, в последнем случае поражает быстрый отклик Мамина-Сибиряка на новую оперетту: премьеры «Хаджи Мурата» состоялась в 1887 г., а уже в 1889-м писатель упоминает это произведение в своем рассказе.

Среди музыкальных произведений малой формы в текстах Мамина-Сибиряка помимо русских народных песен упоминаются штраусовские [Нужно поощрять искусство, с. 117] и шопеновские [Именинник, с. 442] вальсы; французские революционные песни «Ça ira...» и «Марсельеза» [Там же, с. 427], легкомысленная шансонетка «Paroles» («Ничего нет священного для сапера») [Нужно поощрять искусство, с. 28], романы «Ночи безумные, ночи бессонные», «Под душистой веткой сирени...» [Там же, с. 4], «Только станет смеркаться немножко, / Буду ждать, не дрогнет ли звонок» [Там же, с. 58], «Крошка» («Буду слушать те детские речи, / Без которых мне жизнь не мила») [Там же, с. 62], «Старый муж, грозный муж, / Жги меня, режь меня!..» [На золотом дне, д. 2, явл. 5], салонные фортепианные пьесы «Пробуждение льва» А. Контского, «Молитва девы» Ч. Бадаржевской [Кисейная барышня, с. 347], полонез № 13 «Прощание с Родиной» М. К. Огинского [По Зауралью, с. 31].

А певческая терминология, изобилующая в повести «Нужно поощрять искусство», указывает на то, что автор и сам имел музыкальное образование: *mezzo-soprano*, *si-бемоль*, *нижний регистр*, *вибрация*, *тремоло*, *фразировка*, *первоначальные сольфеджио*.

3.4. В области скульптуры также прослеживается ориентация Мамина-Сибиряка на русскую и западноевропейскую культуру, но заметно, что уральскому писателю всё же более интересны работы русских скульпторов. В очерках «По Зауралью» Мамин-Сибиряк, описывая Касли, подробно останавливается на моделях именно российских мастеров — Е. А. Лансере, П. К. Клодта, А. Л. Обера, Н. И. Либериha:

Новинку представляют группы Ленсере (так в тексте. — Е. Г.) *«Крестьянка на лошади»* (стоит 20 р.), *«Джигитовка»* (35 р.), *«Охота»* (30 р.), *«Кляча»*, *раб. Клодта* (4 р.), *«Киргиз»*, *раб. Обер* (10 р.) и т. д. [Там же, с. 41].

Как видим, имя Н. И. Либериha в представленном описании отсутствует, но дело в том, что автором композиции «Крестьянка

на лошади» на самом деле является Николай Иванович Либерих (1828–1883), а не Е. А. Лансере, как указал Мамин-Сибиряк. Кстати, хотя писатель и относит модель «Крестьянка на лошади» к новинкам, на Каслинском заводе она впервые была отлита в 1861 г.

3.5. О живописных пристрастиях Мамина-Сибиряка, если опираться только на его тексты, что-либо сказать в настоящий момент затруднительно: в его произведениях конца 1880-х гг. встретились имена только Ж.-Б. Грёза [Именинник, с. 421], К. П. Брюллова [Там же, с. 413], В. В. Верещагина [Там же, с. 468] да название лубочной картинки «Ступени жизни» [Читатель, с. 507]. Упомянутая в романе *ташкентская выставка Верещагина* — это, скорее всего, Санкт-Петербургская художественная выставка весной 1874 г. как результат трехлетнего пребывания В. В. Верещагина в Туркестане.

4. Помимо увлечения искусством, как свидетельствуют страницы книг, Мамин-Сибиряк активно интересовался политическими событиями, причем преимущественно современными.

4.1. Особенно показателен с этой точки зрения этюд «Читатель», где герои говорят об освободительных войнах в Италии и Америке (гражданская война 1861–1865 гг. между северными и южными штатами США); о франко-прусской войне 1870–1871 гг., перекроившей Европу; о кровопролитной битве под Садовой, где австро-прусские потери составили более 20 тысяч человек. Не обходит Мамин-Сибиряк и войны, в которых участвовала Российская империя: на страницах этюда поднимается «восточный вопрос», а под обычным названием *Средняя Азия* понимается присоединение к России Кокандского ханства и другие политические события в Азии; задевают герои и Крымскую кампанию 1853–1856 гг., русско-турецкую войну (1877–1878) и польское восстание (1863–1864). Имена политических деятелей — Гарибальди, Линкольн, Наполеоны I и III, Бисмарк, Меттерних — не сходят с уст героев.

4.2. Мамина-Сибиряка интересуют и внутренние преобразования российского общества. Конечно, здесь самым значимым событием XIX в., думаем, можно признать отмену крепостного права в 1861 г. *Воля* — так вслед за народом называет Дмитрий Наркисович эту реформу:

Когда пришла воля, он еще глубже ушел в свое чтение и встречал каждую реформу нового царствования с такой хорошей и чистой радостью [Читатель, с. 506].

Однако в другом произведении автор раскрывает, что не всё здесь так просто:

Когда-то здесь кипела крепостная работа, а теперь мертвая тишина и разложение, медленное и неотвратимое, как скрытая болезнь. Мужички избы тоже не блещут особенной красотой: Клепинины, как и другие зауральские помещики, сумели всучить крестьянам даровой надел, т. е. гагаринский осьминник на душу. Но от последнего и барину не легче, как видно из предыдущего... [По Зауралью, с. 27].

Даровой надел — это ведь хорошо? Но почему тогда всучить? Ведь слово явно с отрицательной коннотацией. Чтобы ответить на возникшие вопросы, надо разобраться, что такое *гагаринский осьминник*. Павел Павлович Гагарин (1789–1872), защитник интересов крупного землевладения, был одним из инициаторов дарового четвертного надела: крестьянин мог отказаться от выкупа земли и за счет этого бесплатно получить от помещика надел в размере одной четверти от того надела, который он имел право выкупить. Будучи старой единицей площади, осьминник был равен одной четвертой десятины и потому наглядно иллюстрировал данное положение. Таким образом, *гагаринский осьминник*, значительно сокращавший крестьянское землепользование, стал образцом обьегоривания крестьянства.

На глазах уральского писателя также происходило и такое крупное общественное событие в России, как формирование земства, и это также нашло отклик на страницах его произведений, например, роман «Именинник» начинается с описания земского собрания.

4.3. Однако Мамин-Сибиряк не ограничивается простым наблюдением общественной жизни, он также обращается к теоретическим трудам, посвященным вопросам устройства человеческого общества. Подтверждается данное утверждение, с одной стороны, фамилиями, встречающимися в текстах писателя, — Г. Бокля, который искал общие законы, что управляют ходом человеческого развития [Именинник, с. 449, 468]; Я. Молешотта, искавшего внутреннюю связь между составом пищи и «духовной жизнью народов» [Там же, с. 468]; Адама Смита и Миля Стюарта, занимавшихся вопросами экономики [«Исторические» люди, с. 475], Дж. С. Милля, утверждавшего, что мораль основана на принципе пользы [Осенние листья, с. 244], а с другой стороны, ключевыми фразами, характерными для определенных теорий, например, за термином «*железный закон*» скрывается мнимый закон Ф. Лассалья о постоянном стремлении

зарплаты к естественному минимуму [Именинник, с. 447], выражением *борьба за существование* Мамин-Сибиряк в своих текстах характеризует социальный дарвинизм [Там же, с. 449; Осенние листья, с. 243]; встречающееся словосочетание *разумный эгоизм* свидетельствует об изучении писателем этики Н. Г. Чернышевского [Нужно поощрять искусство, с. 18; Осенние листья, с. 243].

5. Еще одна сторона общественных отношений, которая интересует Мамина-Сибиряка, — это, если выразиться современным языком, бизнес. Правда, деловые отношения, описанные автором, имеют преимущественно теневой характер: *двойной вексель, двойные проценты, бланк* (запрещенный законом вексель без текста с одной подписью векселедателя) [Именинник, с. 407], *темный маклер* [Нужно поощрять искусство, с. 33], *темная копейка* [На кумысе, с. 165], *лаж* [Осенние листья, с. 252].

6. Не оставляет в стороне Мамин-Сибиряк и сферу воспитания: его интересуют не только вопросы народного образования [Читатель, с. 507], но и различные теории воспитания, в частности, система немецкого педагога и теоретика Фридриха Фрëбеля, в основе которой лежит развитие детей с помощью игр, интересных для них занятий и общения с природой [Именинник, с. 436], или «теория полного невмешательства родителей в самый критический момент жизни своих детей» [Осенние листья, с. 249], где, видимо, речь идет о теории свободного воспитания, родоначальником которой в России был ранний Л. Н. Толстой.

В 60-е гг. XX в. был очень популярен спор «физиков» и «лириков»: кто важнее и нужнее стране. Однако истоки этого спора можно легко найти во второй половине века как спор о двух системах образования: реальном и классическом. Даже изучаемый в школе и вузе чеховский «Человек в футляре» посвящен именно этому противостоянию. Беликов как учитель древнегреческого языка является представителем гуманного (гуманные науки — это латинский и древнегреческий языки и литература), или классического, образования. И классическое образование в лице Беликова, как мы помним, не выдержало столкновения с новой действительностью. А вот уральский писатель со страниц своих произведений выступает явным представителем реальной системы образования.

Бильярд служил им вместо классной доски, и Окунев, отложив мелом по зеленому сукну две параллельные линии, шепотом говорил:

— *Понимаете: одиннадцатая теорема Эвклида — это исходный пункт новой математики... да. Центр вне окружности... тело, ограниченное выпуклыми поверхностями, обращенными внутрь...* [Именинник, с. 483].

В приведенном отрывке речь идет о геометрии Н. И. Лобачевского для искривленного пространства. Одиннадцатая теорема Эвклида — это пятый постулат эвклидовой математики о параллельных прямых, который стал отправной точкой для неэвклидовой геометрии. При жизни Лобачевского его теория была малоизвестна, однако с конца 60-х гг. XIX в. ситуация коренным образом изменилась. И то, что Мамин-Сибиряк имеет четкое представление о «новой» математике, характеризует его как человека, живо интересующегося довольно сложными вопросами одной из точных наук.

7. Тексты также раскрывают познания Мамина-Сибиряка в медицине и биологии. На страницах произведений писателя часто мелькают названия болезней: *белая горячка* [Там же, с. 405], *горловая чахотка* [Нужно поощрять искусство, с. 72]; названия медицинских средств: *цианистый калий* [Кто хуже?, с. 185], *касторовое масло*, *пьявки*, *банки* [На золотом дне, д. 1, явл. 2] и др.

Травы и насекомые, перечисленные героем пьесы «На золотом дне», нашли различное применение в народной медицине: *липовый цвет* как потогонное, *цитварное семя* как глистогонное, *александринский лист* как слабительное, а *шпанская мушка* как нарывное и раздражающее средство.

8. Помимо названий трав в текстах Мамина-Сибиряка встречаются и зоологические понятия: *дрозды-рябинники* [Именинник, с. 406], *нельма*, *максун* [Там же, с. 437], *аргали* [Слезы царицы, с. 229]. Причем автор не чурается также использовать латинские биологические термины: *prunus prostrata* [По Зауралью, с. 34], *servus tarandus*, *bos primigenius*, *Elephas primigenius* [Там же, с. 51].

9. В очерках «По Зауралью», «На кумысе» Мамин-Сибиряк, подробно описывая населенные пункты, полезные ископаемые Урала и Зауралья, выступает и как географ. Правда, необходимо отметить, что в XIX в. под Зауральем понималась прежде всего восточная часть Уральских гор. Поэтому не стоит удивляться, что путевые заметки «По Зауралью» на самом деле посвящены местности, находящейся

практически вдоль Челябинского тракта, соединившего Екатеринбург с Челябинском.

10. С физической географией у Мамина-Сибиряка тесно связаны горное и литейное дело — описать населенный пункт или район на Урале, не коснувшись его производства, для автора невозможно:

На обратном пути из фабрики мы завернули к свалкам знаменитой синарской руды и здесь учинили «хищение» нескольких интересных штуфов. Кстати, главный секрет отличного каслинского литья заключается в необыкновенной мягкости самого чугуна, который плавится из знаменитых синарских руд. Наш знакомый В-ский был настолько любезен, что подарил мне целую коллекцию интересных штуфов этой синарской руды: тут были и почки, и петёки, и красивые раковины с бархатным налетом [Там же, с. 41–42].

11. Досуг в XIX в. не был особо разнообразным. Произведения уральского писателя в этой области (помимо чтения, конечно) демонстрируют:

— детские подвижные игры: *бабки, палки, веревочки и камни* [Нужно поощрять искусство, с. 109];

— карточные игры: *зеленый стол* [Именинник, с. 467], *завинтившийся игрок* [Нужно поощрять искусство, с. 116], *вист* [Два хохла, с. 107], *робер* [Там же, с. 109], *винт, с болваном играть* [Встреча, с. 208];

— бильярд: *маркер с машинкой* [Нужно поощрять искусство, с. 48]. Знание автором мелкой детали, которая используется во время игры (*машинка* — это небольшая бильярдная принадлежность, используемая в качестве опоры для кия при нанесении удара по удаленному шару), вернее свидетельствует в пользу того, что сам Мамин хорошо владел кием;

— охоту: *тубо* [Осенние листья, с. 244], *двустволка Лебеды отца, штуцер* [Там же, с. 245], *«крепкое перо», «ронить», ружье «живит»* [Там же, с. 246].

12. Отдельно хотелось бы остановиться на таком вопросе, как знание Маминым-Сибиряком иностранных языков. В его произведениях конца 80-х гг. преобладают французские фразы, и это довольно распространенные для XIX в. слова и выражения: *à la guerre, comme à la guerre; beau monde, coup d'état, entre nous, esprit fort, triers état* [Именинник]; *question d'argent, soirées, société, savoir vivre, pardon,*

mesdames; en petit comité, jour fixe, ma chère, ma petite [Нужно поощрять искусство] и под.

В то же время выражения записаны на языке оригинала, что свидетельствует, с одной стороны, о вполне хорошем знании языка автором, а с другой, о не пародийном употреблении, показывающем низкий языковой уровень героев.

Латынь в произведениях представлена преимущественно либо крылатыми фразами, либо биологическими терминами:

— *casus belli* [Там же, с. 76], *mens sana in corpore sano* [Именинник, с. 491], *modus vivendi* [Там же, с. 476], *perpetuum mobile* [Там же, с. 419];

— *prunus prostata* [По Зауралью, с. 34], *servus tarandus, bos primigenius, Elephas primigenius* [Там же, с. 51].

Написание на итальянском и английском языках единично:

— *incognito* [Нужно поощрять искусство, с. 97], *finita la comedia* [По желанию публики, с. 277];

— *m-r* [Нужно поощрять искусство, с. 78], *yes* [Кисейная барышня, с. 341].

А вот для передачи речи на украинском и тюркских (башкирский, киргизский, как, например, в рассказе «Куку») языках автором используется русская транслитерация, что, скорее всего, свидетельствует только об устном владении языками:

Три ашата кунчал, десять баран кунчал: махань ашать будем, бишбармак ашать [Юммя, с. 533].

Оце гарно! А в мене така голова, що не зашумить с растопляной смолы, якої в пекли чорты гришних мучать [Два хохла, с. 110].

Ото цяця... писанка! [Там же].

Таким вкратце предстает круг интересов Мамина-Сибиряка, если опираться только на тексты его произведений 1887–1889 гг.: с одной стороны, гуманитарий, с другой — естественник, а в целом уральского писателя вполне можно причислить к энциклопедистам — людям, осведомленным в различных областях знаний.

Источники

Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 469 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2: Баллады, поэмы и повести. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 487 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Встреча // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 10. С. 199–209.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Два хохла: рассказ // Урал. 1962. № 11. С. 106–115.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Дружки: очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1915. Т. 3. С. 25–31.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотопромышленники: сцены в 4-х действиях. М.: Лит. Моск. театр. 6-ки Е. Н. Рассохиной, 1887. 109 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник: роман // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 10. С. 398–496.

Мамин-Сибиряк Д. Н. «Исторические» люди: очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 11. С. 471–476.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Кисейная барышня: повесть // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1916. Т. 7. С. 339–387.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Кто хуже?: очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 10. С. 174–186.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Мастерница: очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 12. С. 326–332.

Мамин-Сибиряк Д. Н. На золотом дне: комедия в 4-х действиях // Рукописный отдел Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского, № 33261. 122 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. На кумысе: [главы 1–3] // Русская мысль. 1888. Сент. С. 160–173.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Наследник: рассказ // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1915. Т. 3. С. 77–90.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Нужно поощрять искусство: повесть // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 12. С. 3–120.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Осенние листья: рассказ // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 10. С. 236–258.

Мамин-Сибиряк Д. Н. По желанию публики: рассказ // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1916. Т. 8. С. 268–278.

Мамин-Сибиряк Д. Н. По Зауралью: путевые заметки // Южный Урал: лит.-худож. альм. Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1952. № 8/9. С. 17–87.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Правильные слова: из путевых эскизов // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск: Свердловгиз, 1951. Т. 10. С. 344–350.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Слезы царицы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 12. С. 213–240.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Читатель: этюд // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 12. С. 504–507.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Юмья: этюд // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Пг.: Т-во А. Ф. Маркса, 1917. Т. 12. С. 531–535.

Литература

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. Изд. 4-е, доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.

Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: лица, события, предметы и символы: опыт энцикл. словаря. М.: Церковь, 1996. 318 с.

Демурова Н. М. Предисловие [Электронный ресурс] // *Бернет Ф. Х.* Маленький лорд Фаунтлерой / вступ. ст. и пер. Н. М. Демуровой. URL: http://lib.ru/INPROZ/BARNETT_F/little_lord_fauntleroy.txt (дата обращения: 09.01.2023).

Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении / сост. Липранди. Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1883. 84 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. М.: ТЕРРА, 1994.

Основы текстологии / под ред. В. С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.

Чернышев В. И. Избр. труды: в 2 т. М.: Просвещение, 1970.